

Русские в Италии:

Культурное наследие эмиграции

Международная
научная конференция

18-19 ноября 2004 г.

Москва • Русский путь • 2006

АНТОНЕЛЛО ВЕНТУРИ (*Турин*)

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В ИТАЛИИ (1906–1922)

После поражения Русской революции 1905 г. в некоторых регионах Италии образовались настоящие колонии русских революционеро-эмигрантов, имевшие большое культурное и политическое значение и исчезнувшие окончательно только в начале 1920-х гг. Хотя численность этой эмиграции в Италии и значительно ниже, чем в других европейских странах, она впечатляет созвездием имен, принадлежавших ключевым персонажам в истории российского социалистического движения прошлого века¹.

Назовем первым имя Г.В. Плеханова, «отца» социал-демократического движения в России, приехавшего в 1906 г. в Больяско, под Нерви, а с 1908 г. и до падения царского режима жившего постоянно в Сан-Ремо. Один из главных идеологов эсеров В.М. Чернов, некоторое время проведший в Кави-ди-Лаванья, а затем уехавший в Париж, в 1910 г. покинул Францию с тем, чтобы обосноваться сначала в Феццано (залив Специи), затем с 1912 г. в Нерви и впоследствии, незадолго до начала Первой мировой войны и по 1917 г., — в Алассио (в русск. транск.: Алясио). Б.В. Савинков, глава Боевой организации партии эсеров, жил в Сан-Ремо в 1911–1913 гг. И наконец, Максим Горький в 1906–1913 гг. превратил остров Капри в один из самых важных центров русской эмиграции в Европе.

Возникает естественный вопрос: почему Италия? Или, более конкретно: какой смысл имела Италия для эмигрантов, связанных преимущественно с политическими деятелями в Германии и во Франции, где и организационная база для их деятельности по агитации и пропаганде была несомненно лучше?

Ответ можно дать следующий: в те годы Италия, несмотря на свою политическую и культурную отсталость от передовых стран Европы, могла предложить для политэмигрантов надежное убежище. Еще в 1903 г., когда в Неаполе был арестован (случайно) с угрозой выдачи царскому правительству один из руководителей социал-революционного движения террорист М.Р. Гоц, но затем освобожден под давлением общественного мнения, считавшего русских революционеров схожими с деятелями итальянского Рисорджименто, стало ясно, что политэмигранты здесь могут не бояться насильственной репатриации.

Следует учесть и общий либеральный климат, возникший при премьер-министре Джованни Джолитти: Чернов в одной из своих брошюр начала XX в. вместе с пропагандой общинного социализма и террора как орудия мести дал приукрашенную картину торжества гражданских свобод в Итальянском королевстве. Так же и Горький во многих своих письмах хвалил итальянские учреждения в пику французским; в 1908 г. он в действительности получил от Джолитти разрешение на свободную отправку из итальянских портов в Россию большевистской печатной продукции.

Помимо социально-политических и организационных мотивов назовем и медико-терапевтические: туберкулез можно считать «профзаболеванием» российских революционеров, и санатории на Лигурийской Ривьере всегда для них были притягательны, особенно один из них в Сан-Ремо под управлением супруги Плеханова. Удобной была и периодичность работы курортных лечебниц: в теплые месяцы Италию можно было покинуть ради Франции или Швейцарии.

В структурном отношении эмиграция имела два четких и противоречащих друг другу принципа. С одной стороны, она соответствовала уже сложившимся партийным формам тогдашнего социалистического движения, с другой – согласно организационным, семейным и экономическим причинам, следовала за одной харизматической фигурой, становившейся истинным «вожаком»: за границей таким образом возникала уже изжившая себя самая ранняя форма российского революционного подполья – политический кружок.

Характерным образцом революционной деятельности за границей служат кружки социал-демократии, в ту эпоху стремившейся доминировать в самых широких слоях эмиграции. Они придерживались тактики пропаганды среди соотечественников-студентов (в итальянских университетах их было немного) и рабочих-эмигрантов (в начале XX в. их число постоянно росло по всей Европе, включая и Италию). Социальная база пропаганды, как мы видим, была узкой, однако социал-демократы организовывали точь-в-точь такие же структуры, как и в других, более благоприятных условиях. Начиная с 1906 г. в Милане, Генуе, Риме и Милане стали возникать общества и кассы взаимопомощи, читальные залы и библиотеки, комитеты по сбору средств и проч. Наилучшим инструментом для конспирации служили библиотеки, официально не принадлежавшие политическим партиям; среди них на первый план выдвинулись библиотеки в Риме и на Капри. На Лигурийской Ривьере, сначала в Больяско, а затем в Нерви, важную роль конспиративного центра стала играть публичная клиника, основанная В.Е. Мандельбергом, депутатом от меньшевиков во Второй Думе.

Внешние отношения разных (и иногда конфликтовавших между собою) кружков эмигрировавшей социал-демократии регулировались в Париже, где Центральным комитетом зарубежных групп поддержки партии руководил Г.В. Чичерин, будущий нарком иностранных дел. Переписка 1900–1911 гг. между ним и Б.Н. Нелидовым, секретарем организации в Нерви, показывает, например, как действовал механизм роспуска лигурийской ячейки, павшей жертвой внутренних раздоров. Конечно, подобный роспуск не означал прекращения партийной деятельности: напротив, предлагалось в данном случае оживить ее, а именно: перевести ячейку в Турин, где готовилась Международная промышленная выставка, посвященная 50-летию объединения Италии и обещающая наплыв публики и рабочих-эмигрантов².

Внимание исследователей, конечно, привлекала деятельность большевиков, которые при поддержке Горького и не без оппозиции Ленина организовали в Италии две пропагандистские рабочие школы — в 1909 г. на Капри и в 1910–1911 гг. в Болонье — при участии местных социалистов. Вместе с тем, группа интеллектуалов, собравшаяся вокруг писателя (А.А. Богда-

нов, А.В. Луначарский, М.А. Покровский, Г.А. Алексинский и др.), служил примером не эмигрантской партийной ячейки, а ядра революционной элиты во всем многообразии внутренних отношений и исключительности для общей итальянской панорамы.

Параллельно с партийными структурами, как уже отмечалось выше, действовали группы, руководимые «вожаками», личность которых неизбежно накладывала на них характерную печать. Два самых ярких примера — это писатели, финансовые «столпы» и символы эмиграции в Италии: конечно, Горький, заимевшей на неаполитанских берегах целый «двор» с быстро менявшимися «приближенными», и близкий к эсерам А.В. Амфитеатов, в 1908–1916 гг. обустроивший в Лигурии (в Сестри-Леванте, Кави-ди-Лаванья и, наконец, в Фессано) колонию из друзей и единомышленников. Нечто схожее возникало и в окружении Плеханова и Чернова. Можно упомянуть и о Карле Качоровском, исследователе русской общины, основавшем в 1906 г. в Одессе эсеровскую сельскохозяйственную «академию» (финансировавшуюся, вероятно, за счет экспроприаций), которая переехала вместе с группкой учеников в 1907 г. в Финляндию, а потом в Италию, в Кави-ди-Лаванья.

Внутренняя жизнь подобных группировок засвидетельствована в серии воспоминаний: одно из самых значительных — мемуары революционера и историка Е.Е. Колосова, исследователя жизни и деятельности Н.К. Михайловского. Он подробно описывал русскую колонию в Лигурии, в Кави-ди-Лаванья, где жил в 1909–1914 гг. Эта колония вела обособленную сосредоточенную жизнь, коллективно возвращая долги итальянцам и культивируя свою изолированность. Некоторые исследователи-статистики из состава колонии даже подсчитали, какой экономический доход приносили эмигранты местному населению: подобными прагматическими отношениями обычно и ограничивались контакты революционеров с итальянцами. В целом, как мы видим из мемуаров Колосова, русские, полагая население лигурийского берега слишком бедным, примитивным и испорченным, не обращали на него особого внимания. Намного более интенсивными были их «игры» с царской охранкой, следившей за ними и в зарубежье. Отношения с родственной Итальянской социалис-

тической партией (ИСП) особо не развивались. Плеханов, например, хотя и писал много об итальянском революционном синдикализме и социализме (обычно критикуя), всячески уклонялся от какого-либо вовлечения в итальянскую политическую жизнь и использовал лишь двух традиционных итало-русских посредниц — Анну Кулешову для старшего поколения социалистов и Анжелику (Анджелику) Балабанову для младшего.

В самом начале прошлого века, еще до приезда в Италию, Чернов разработал единую итало-русскую общественную модель, выделив ряд общих черт для этих европейских периферий: национальный капитализм, запоздалый и слаборазвитый; пролетаризированная интеллигенция с социалистическими устремлениями; крестьянский мир с коллективистским и революционным сознанием. Подобное сближение Италии и России противоречило старой народнической идее о специфичности русского пути, но одновременно и подвергало сомнению общую поступательность европейского развития. Однако и автор этой модели не завел близких отношений с итальянскими социалистами. В целом можно сказать, что русское социалистическое движение, несмотря на живой интерес к итальянскому, не имело с ним тесной связи: возникали только эпизодические непосредственные контакты политэмигрантов.

За исключением кругов Горького и Амфитеатрова, резко выделявшихся своим культурно-политическим размахом, в довоенный период преимущественно люди независимых позиций смогли установить реальные отношения с итальянским миром. Самым блестящим из них был партийный эсер, не без симпатий к анархизму, М.А. Осоргин, прибывший в Италию как последователь Качоровского и ставший образцовым корреспондентом легальных периодических изданий в России³. Увлеченный организатор просветительских поездок учителей в Италию, Осоргин сыграл важную роль и в смычке политэмигрантов с проживавшими в зарубежье соотечественниками: апогей этой деятельности пришелся на 1913 г., когда в Риме состоялся Первый съезд русских политических и экономических организаций в Италии (27–30 марта 1913 г.). Война прервала этот процесс, а также множество многообещающих проектов, в том числе — учреждение

Музея русского освободительного движения и русско-итальянского издательства.

Важнейший поворот в жизни русской эмиграции произошел в 1913 г., когда по случаю 300-летия Дома Романовых в России была объявлена амнистия: Горький и Амфитеатров вернулись на родину. Однако дальнейшая жизнь русской революционной диаспоры была отмечена характерной преемственностью, несмотря на войну, Февральскую и Октябрьскую революции. Изменился, впрочем, ее политический резонанс: в 1917 г. русский микрокосмос впервые вышел на итальянскую политическую арену, при этом решительно пересмотрел свои отношения с ИСП. Диаспора разделилась на две части: одна, остановленная сложностью ситуации в Европе и в России, продолжила свое существование в Италии, другая — сделала попытку репатриации, заняв в новых российских условиях преимущественно антибольшевистскую позицию.

Оставшаяся группа в декабре 1917 г. основала в Риме еженедельник «La Russia», первый собственный орган печати в Италии. Под редакцией Качоровского и симпатизировавшего эсерам философа Б. Яковенко и при финансовой поддержке российского посольства, оставшегося верным А.Ф. Керенскому, «La Russia», не без народнического духа, пропагандировала продолжение войны против Германии на стороне Антанты. Уже в июне 1918 г. два соредатора разделились, и Яковенко предпринял издание «La Russia nuova» с теоретическим приложением «La Russia democratica». Тогда же к нему примкнул ряд представителей контрреволюционной эмиграции. В 1918–1919 гг., вместе с заключительными событиями Гражданской войны, подобный альянс дал трещину, и в Риме наметилось сближение между социалистами и новой советской властью. Таким образом «La Russia nuova», важнейшая трибуна политэмигрантов, требовавших изначально продолжения войны с Германией и устранения большевистского правления, закончила свое существование в 1920 г. как агитационный листок, финансирувавшийся преимущественно просоветской ИСП.

Многие члены второй группы, принявшие участие в Гражданской войне против «красных», но не нашедшие прибежища и у «белых», в итоге тоже вернулись в Италию и в течение

нескольких лет пытались пропагандировать свое кредо в качестве «третьей силы». Среди них особо следует отметить М. Слонима, учившегося до революции во Флорентийском университете, а затем ставшего на родине эсером. После утверждения власти большевиков он вернулся в Италию, где написал ряд ярких очерков мемориально-политического характера, получивших широкий резонанс; впоследствии Слоним прославился как проникновенный литературовед. Еще значительнее фигура Г.И. Шрейдера, выпускавшего во время революции 1905 г. самую влиятельную эсеровскую газету «Сын Отечества». Прожив в Италии, между Римом и Кави-ди-Лаванья, почти десятилетие, с 1906 по 1917 г., по возвращении на родину он был избран городским главой революционного (но дооктябрьского) Петрограда, а после безуспешной попытки организовать общее антибольшевистское сопротивление вернулся в 1919 г. в Италию, где годом позже наладил выпуск еженедельника «La Russia del lavoro», направленного на отмежевание ИСП от Коминтерна⁴.

Преимущество продемонстрировало и другое крыло старой эмиграции. В самом деле, Н.М. Любарский, вышедший из недр российских социал-демократических структур в Италии (он был заведующим русской библиотекой на Капри), стал одним из посланников Коминтерна. Из медиков и технической интеллигенции тех же дореволюционных эмигрантских кругов набирался первый состав дипломатических и торговых представителей советской миссии в Риме.

Однако после революции 1917 г. все значительные попытки эмиграции в Италии организовать как-либо политически в итоге потерпели крах, в отличие от других западноевропейских стран. Среди таких попыток — устроенный некоторыми бывшими сотрудниками «La Russia nuova» в Риме в 1920 г. филиал берлинского издательства «Слово» вместе с книжным магазином: несмотря на обширный каталог, магазин просуществовал всего год. Одновременно прекратил свой выход и «La Russia del lavoro» Шрейдера. Так к 1921–1922 гг. в Италии закончилась организованная жизнь политэмиграции, устремившейся в своем большинстве в иные страны. Даже прибытие в 1924 г. в Соррен-

то М. Горького не смогло оживить некогда бурную деятельность политэмигрантов⁵.

Как же объяснить такое быстрое угасание деятельности русских социалистов-эмигрантов в Италии, в то время как в других странах Западной Европы она развивалась вплоть до Второй мировой войны?

Отчасти подобный процесс был закодирован в политико-культурной замкнутости Италии, однако главная причина крылась в растущей стабилизации советского режима после победы в Гражданской войне, с одной стороны, и углублением кризиса в Италии, приведшего в 1922 г. к победе фашизма, с другой. Италия стала одной из первых стран, где со всей очевидностью бессилие социалистической антисоветской эмиграции перед мифом революции, столь могучим в те годы в европейской культуре, которая в целом была весьма безразлична к советской реальности⁶.

Авторизованный перевод с ит. М.Г. Талалая

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор русской политической эмиграции того периода см.: Тамбора А. *Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917*. Roma-Bari: Laterza, 1977 (нов. изд.: Soveria Mannelli: Rubbettino, 2002).

² Kolomiez V. *L'emigrazione politica russa a Torino all'inizio del XX Secolo // Democratici e socialisti nel Piemonte dell'Ottocento* / A cura di P. Audenino. Milano: Franco Angeli, 1995. P. 434–439.

³ См. о нем: Becca Pasquinelli A. *La vita e le opinioni di M.A. Osorgin (1878-1942)*. Firenze: La Nuova Italia, 1986.

⁴ Подробнее см.: Garzonio S. *Gregorio Schreider sindaco di Pietroburgo e rivoluzionario russo in Italia // Firenze e San Pietroburgo. Due culture si confrontano e dialogano tra loro*. Firenze: Florence University Press, 2003. P. 53–61; Он же. *Материалы к биографии Г.И. Шрейдера // From the other shore*. 2004. Vol. IV. P. 35–48.

⁵ Гардзонио С. *К изучению русского зарубежья в Италии // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography*, Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 77–101; Он же. *Италия и русская эмиграция в Италии на страницах газеты Вл. Бурцева «Общее дело» // From the other shore*. 2001. Vol. 1. P. 91–128.

⁶ Положения статьи раскрыты также в публикациях автора: Venturi A. *Rivoluzionari russi in Italia 1917–1921*. Milano: Feltrinelli,

1979; I d e m. Una testimonianza sull'emigrazione rivoluzionaria russa in Liguria: E.E. Kolosov // Miscellanea storica ligure, XV. 1984. Vol. II. P. 563-584; I d e m. L'emigrazione socialista russa in Italia, 1917-1921 // Movimento operaio e socialista, X (n.s.). 1987. № 3. P. 269-297; I d e m. L'emigrazione rivoluzionaria russa in Liguria, 1907-1917 // Kandinsky, Vrubel', Jawlensky e gli artisti russi a Genova e nelle Riviere. Passaggio in Liguria / A cura di F. Ragazzi. Milano: Mazzotta, 2001. P. 111-118.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
<i>Серджо Романо</i> . Вступление	8

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е.М. Миронова</i> . Русское посольство в Италии. Роль в формировании дипломатической системы антибольшевистского движения. Участие в жизни русской колонии	13
<i>Антонелло Вентури</i> . Русские эмигранты-революционеры в Италии (1906–1922)	44
<i>Я.В. Леонтьев</i> . Группа «русских большевиков» в Италии и эмиссары Коминтерна (1917–1922)	53
<i>М.Г. Талалай</i> . «Ненадежное убежище»: Русские жители итальянского юга	96
<i>Л.И. Петрушева</i> . Русская эмиграция в Италии по документам Пражской коллекции Государственного архива Российской Федерации	113
<i>А.В. Квакин</i> . Документы из Коллекции баронессы Марии Врангель в архиве Губеровского института по истории русских в Италии ..	129
<i>С.В. Волков</i> . Русская военная эмиграция в Италии	138
<i>А.С. Кручинин</i> . Князь Романовский герцог Лейхтенбергский: Петербург — Крым — Италия. (Вехи жизненного пути члена императорской фамилии)	154
<i>П.Н. Базанов</i> . Вторая русская эмиграция и «дипийская» печать в Италии (1945–1951)	179
<i>М.В. Шкаровский</i> . Казачий стан в Северной Италии и его церковная жизнь	190
<i>Антуан Нивьер</i> . Русские православные священно- и церковнослужители в Италии	209
<i>А.В. Юдин</i> . Русские католические центры в Италии в XX веке ...	236

ЛИТЕРАТУРА И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО

<i>Н.Н. Примочкина</i> . Итальянские темы в публикациях журнала «Беседа»	251
--	-----

<i>О.Р. Демидова. «ОБРАЗЫ ИТАЛИИ» И ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ (1920–1930-е гг.)</i>	260
<i>Стефано Гардзонни. РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ПОЭЗИЯ В ИТАЛИИ. Общий обзор</i>	277
<i>Анастасия Пасквинелли. ГЕОРГИЙ ЭРИСТОВ, РУССКИЙ ПОЭТ В МИЛАНЕ</i>	304
<i>Рита Джулиани. ИОСИФ БРОДСКИЙ В РИМЕ</i>	320
<i>В.И. Кейдан. ГОДА, УВЕНЧАННЫЕ ХМЕЛЕМ... Автобиографический роман и биография русско-итальянского литератора М.Н. Семенова</i>	335
<i>Эльда Гарэтто. А.В. АМФИТЕАТРОВ В ИТАЛИИ: НОВЫЕ РАЗЫСКАНИЯ</i> ..	344
<i>Клаудиа Скандура. РИНАЛЬДО КЮФФЕРЛЕ, ПОЭТ И ПЕРЕВОДЧИК. Приложение: Сочинения, переводы и предисловия Ринальдо Кюфферле</i>	354
<i>Габриэле Маццителли. РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. Н.В. ГОГОЛЯ В РИМЕ</i>	361
<i>Чезаре Де Микелис. ГЕОРГИЙ КРАЙСКИЙ И «ВОИНСТВУЮЩИЙ» РУСИЗМ</i>	370

НАУКА И ИСКУССТВО

<i>А.К. Клементьев, В.А. Клементьева. ТРИ УНИВЕРСИТЕТА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ОТТОКАРА. Санкт-Петербург–Петроград–Пермь–Флоренция Приложение: Н.П. Оттокар. Флоренция. Очерки флорентийской истории и культуры (отрывок из Введения)</i>	377
<i>С.И. Фокин. РУССКИЕ БИОЛОГИ НА НЕАПОЛИТАНСКОЙ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ</i>	407
<i>Марция Дати. ПРЕБЫВАНИЕ В ИТАЛИИ СКУЛЬПТОРА СТЕПАНА ЭРЬЗИ</i>	426
<i>Рене Клеманти-Билинский, Н.В. Рыжак. БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ БИЛИНСКИЙ, ХУДОЖНИК ТЕАТРА И КИНО</i>	442
<i>Марина Моретти. СВЕДОМСКИЕ: ВЗГЛЯД ИЗ ИТАЛИИ</i>	448
<i>В.В. Петраков, А.С. Чернышова. ХУДОЖНИКИ СВЕДОМСКИЕ В ИТАЛИИ И РОССИИ</i>	455
<i>А.Б. Шишкин. ИЗ ИТАЛЬЯНСКИХ ХРОНИК АНДРЕЯ БЕЛОБОРОДОВА</i> . . .	465
<i>М.Г. Литаврина. ТАТЬЯНА ПАВЛОВА, РУССКАЯ ЗВЕЗДА ИТАЛЬЯНСКОЙ СЦЕНЫ</i>	487
<i>Патриция Деотто. НИКОЛАЙ БЕНУА: ТЕАТРАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИТАЛИЕЙ</i>	505
<i>М.С. Сосницкая. СКУЛЬПТОР ПАОЛО ТРУБЕЦКОЙ: ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ ЖИЗНИ</i>	514
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	527